

УДК 811.1/8

И.В. Тубалова

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСОВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹

В статье рассматривается специфика дискурсного пространства повседневности. Анализ осуществляется на основании таких категорий дискурсообразования, как тип общности участников дискурса; цель дискурса; ценности дискурса; тематическая структура дискурса; условия общения; ролевая структура дискурса; дискурсивные стратегии; жанровая структура; стилистическое оформление; интертекстуальное взаимодействие. В результате делается вывод о высоком уровне вариативности повседневного дискурса, обеспечивающей неомогенность его структуры, представленной конкретно-ситуативным многообразием отдельных повседневных дискурсов.

Ключевые слова: повседневные дискурсы, категории дискурсообразования.

Современная лингвистика активно исследует структуру дискурсивной деятельности носителей языка. При этом исследователи преимущественно ориентируются на некоторую социально-исторически обусловленную систему дискурсов, в основе которой – принцип институциональности.

Повседневность как область социальной реальности на протяжении XX в. неоднократно становится объектом философской рефлексии (в работах по философии экзистенциализма М. Хайдеггера, феноменологической социологии А. Шюца, социологии знания П.-Л. Бергера, структурного функционализма Р.-К. Мертона и др.).

Обращение к дискурсивным основам повседневности активно проявилось в ряде западных направлений гуманитарного знания в 70-е гг. XX в. (см., например, лингвистические исследования в русле конверсационного анализа: [1–2]), в первую очередь в связи с анализом структуры различных форм повседневного общения.

В эти же годы в русской филологии формируется богатая традиция исследования разговорной речи (см. работы Т.Г. Винокур, В.Д. Девкина, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Е.Н. Ширяева, Л.А. Капанадзе, Н.Н. Розановой, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и др.). При всей глобальности анализа русской разговорной речи специфика деятельности, порождающей данный тип речи, не получила целостного описания. Отдельные специфические характеристики повседневного (=бытового, =обиходного, =разговорного) дискурса нашли отражение в работах [3–8] и др.

Исследование повседневной деятельности человека сквозь призму его речевой деятельности активно разрабатывалось в социальной психологии и психолингвистике (см. работы Л.С. Выготского, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева и др.).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (тема: «Когнитивные модели текстопорождения в коммуникативном существовании языковой личности»; государственный контракт № 14.740.11.0567 от 05.10.2010 г.).

Повседневный дискурс в рамках социолингвистического подхода В.И. Карасик определяет как лично-ориентированный, противопоставленный институциональным дискурсам [3], и это противопоставление является при анализе дискурса данного типа определяющим. Фактор институциональности оказывает стабилизирующее воздействие на дискурсы (часто условия общения в рамках институциональных дискурсов оговариваются специально в различных предписаниях, законах, инструкциях, руководствах и под.). Повседневность же характеризуется принципиальной открытостью границ, и главным объединяющим свойством данной сферы общения является установка его участников на возможность не следовать никаким институциональным правилам и нормам. При этом нельзя говорить о том, что повседневное общение не регулируется никакими нормами. В его рамках действуют стереотипные дискурсивные правила, основанные на практическом опыте участников общения, отработанные в данном национально-культурном обществе и освоенные индуктивным способом. Важнейшей для понимания специфики данного дискурса является его характеристика как «наименее структурированного из всех типов дискурсов» [6. С. 175]. Если институциональные дискурсы образуют типы (дискурсные формации, по М. Фуко) на основании зависимости от общественных институтов, то дискурсы повседневности не могут быть сведены к определенным типам, выделенным на основании комплекса параметров – каждый параметр предполагает особый перечень дискурсивных группировок повседневности. Отсутствие прямой ориентации на общественные институты определяет неомогенность ее дискурсивной структуры. Границы аналитических сфер дискурс-анализа в первую очередь определяются конкретными коммуникативными ситуациями («коммуникативными событиями», по Т.А. ван Дейку [9]), каждая из которых формирует собственный дискурс. Именно в связи с этим использование термина «повседневный дискурс» в данной работе связано с обращением к двум взаимообусловленным сущностям: 1) совокупность дискурсивных сфер, свободных от институциональных рамок; 2) конкретный дискурс повседневности, формируемый вокруг отдельной коммуникативной ситуации.

Цель данной работы – анализ специфики дискурсного пространства повседневности, с одной стороны, демонстрирующего единство в своей противопоставленности институциональным сферам общения, а с другой – проявленного как неомогенная палитра конкретных повседневных дискурсов.

Для анализа дискурсного пространства повседневности привлечем разработанные в современных исследованиях [3; 5–11 и др.] категории дискурсообразования, позволяющие, на наш взгляд, наиболее ярко представить специфические признаки рассматриваемого объекта, это: 1) тип общности участников дискурса; 2) цель дискурса; 3) ценности дискурса; 4) тематическая структура дискурса; 5) условия общения; 6) ролевая структура дискурса; 7) дискурсивные стратегии; 8) жанровая структура; 9) стилистическое оформление; 10) интертекстуальное взаимодействие.

Рассмотрим специфику дискурсивного пространства повседневности в соответствии с обозначенными категориями дискурсообразования.

1. Тип общности участников повседневных дискурсов

Категория общности участников общения, определяемая И.В. Силантьевым в качестве основной в системе категорий дискурсообразования [8], по-

звояет обнаружить универсальный характер повседневного дискурса, демонстрирующего все возможные **неинституциональные принципы объединения** участников дискурсной деятельности: «повседневный дискурс в своей доминанте может быть интерперсональным и ситуативным, а также, как правило, ощутимо проявляется в дискурсных практиках субкультурного и институционального характера» [8. С. 27]. Рассматриваемую категорию М.Л. Макаров интерпретирует как фактор формальности группы участников общения [6], согласно которому повседневный дискурс демонстрирует минимальный уровень формальности в сравнении с институциональными.

По характеру общности участников повседневный дискурс распадается на множество неинституциональных дискурсов. Доминантой формирования общностей в указанных типах дискурса, при отсутствии институциональных установок, могут становиться различные основания – интерперсональные либо ситуативные [8. С. 27]. Интерперсональные основания связывают участников дискурса независимо от ситуации общения и формируют относительно стабильные общности, характеризующиеся проявленностью ролевой структуры, отработанностью принципов общения (например, дискурс семейного общения, дискурс непрофессионального общения на работе и под.). Ситуативные основания лежат в основе формирования повседневных дискурсов, объединяющих участников общения, оказавшихся в силу различных обстоятельств в определенном месте в определенное время. Данное объединение можно охарактеризовать как нестабильное, принципы общения в его рамках формируются ситуативно и в значительной степени определяются личностными качествами его участников (например, дискурс очереди в магазине или неоднократно упомянутый в литературе дискурс купе поезда).

Доминантно интерперсональные дискурсы повседневности по принципам внутренней организации имеют целый ряд точек пересечения с институциональными дискурсами. Их объединяет наличие выраженной ролевой структуры и относительная отработанность принципов общения. При этом цель общения (подробнее см. далее) выводит данные объединения за пределы институциональных. Доминантно ситуативные дискурсы демонстрируют полную противоположность институциональным по всем заявленным параметрам. Именно их специфика в первую очередь характеризуется в утверждении О.Г. Ревзиной о том, что «повседневный дискурс – едва ли не единственный, где не действует сформулированный М. Фуко принцип “прореживания говорящих субъектов”» [7. С. 74]: тип субъекта для общностей такого вида не релевантен.

Таким образом, повседневные дискурсы характеризуются ситуативными, интерперсональными – различного характера неинституциональными объединениями участников, обладающими различной степенью стабильности.

2. Цели повседневных дискурсов

Коммуникативные цели реализации «частного знания» обладают меньшей, чем в других типах дискурсов, степенью социокультурной регламентации. В связи с этим формулирование единой цели повседневного дискурса представляется возможным только в наиболее общем виде.

В качестве общей цели повседневного дискурса обозначим **внеинституциональное общение** как таковое, а также оформляющуюся в процессе информативно-эмоционального межличностного обмена **самоидентификацию**.

Формулируя один из значимых признаков повседневного дискурса, отличающих его от дискурса институционального, М.Л. Макаров указывает на то, что в повседневном дискурсе «целей много, и они обычно имеют локальный характер» [6. С. 175]. Локальные цели повседневного дискурса устанавливаются в рамках каждой конкретной коммуникативной ситуации («частное знание проступает в режиме реального времени и порционно, информационно-прагматическая ценность этих порций высока, но в повседневной жизни она в стереотипных ситуациях погашается немедленным действием, в чем, собственно, и проявляется принцип забвения – «дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны» (М. Фуко)» [7. С. 74]). Цели повседневного дискурса формируются в области акциональной (например, прокомментировать совместную бытовую деятельность), ментальной (например, передать бытовую информацию) и эмоциональной (например, обсудить события частного или общественного характера) повседневной деятельности человека.

Таким образом, локальность целей повседневных дискурсов является их ведущим отличительным признаком, определяющим их вариативность в социальном пространстве повседневности.

3. Ценности повседневных дискурсов

Ценности повседневных дискурсов, в соответствии с особенностями их целей, сложно поддаются целостному описанию. Представляется, что в рамках повседневных дискурсов можно выделить актуальные и потенциальные ценности, регулирующие дискурсную деятельность.

Актуальной ценностью повседневных дискурсов является **ценность внеинституционального единения**, реализованная в процессе повседневного общения. Кроме того, для его участников самостоятельной значимостью обладает **осознание своей личностной позиции** в мини-группе. Косвенным подтверждением этого является фактор инициирования общения: если в рамках институциональных дискурсов участники общения вступают в коммуникацию согласно правилам дискурсивной регламентации, то в повседневном общении его инициация осуществляется на основании «доброй воли» коммуникантов.

Потенциальные ценности повседневного дискурса – это ценности, сформированные в рамках культурного сообщества, к которому принадлежат участники общения (например, ценности русской традиционной культуры, профессиональные ценности, ценности определенной субкультуры), а также индивидуально-личностные ценности. Актуализация потенциальных ценностей осуществляется в зависимости от конкретно-ситуативных условий общения и темы общения.

4. Тематическая структура повседневных дискурсов

На специфику тематической структуры повседневного дискурса обращает особое внимание И.В. Силантьев: повседневный дискурс, «как губка, втягивает в себя тематически ориентированные дискурсы, поддерживает и одновременно растворяет их в своем теле. Именно повседневный дискурс проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию» [8. С. 29].

Таким образом, принципиальная неоднородность повседневного дискурса реализуется не только в свободном варьировании участников дискурсной

деятельности, но и в неограниченности тематики их речевого общения. Тематическая структура повседневного дискурса является **принципиально открытой**.

При всем потенциальном многообразии тем повседневного дискурса статус тематических субдискурсов представляется различным: круг тем, сформированных в рамках собственных дискурсивных практик участников общения, является базовым, а темы, содержательно воспринятые в вербальной форме из «чужих» дискурсивных практик, включаются в тело повседневного дискурса на правах тематически инодискурсивных. Так, рассуждения о политике, о деятельности официальных структур, а также о различных общественных событиях для большинства участников повседневного общения не связаны с ретрансляцией собственного опыта, обсуждаемая информация воспринята ими из различных источников (СМИ, художественная литература, рассказы очевидцев) вербально. В результате велика вероятность осознанной или неосознанной ретрансляции «чужих» текстов при их обсуждении.

Тематика речевого общения в рамках любого дискурса, при любом уровне спонтанности ее коммуникативного вхождения вносит в дискурсивную деятельность проявления ряда когнитивных установок, связанных с данной темой в данной социокультурной среде. Так, тема войны задает различные смысловые акценты и формирует различный эмоциональный тон в зависимости от типа участников дискурса, в рамках которого данная тема реализуется (представители различных поколений, разного уровня образования и под.).

Таким образом, характер тематики речевого общения является одним из значимых факторов дискурсообразования в повседневных дискурсах.

5. Условия общения в повседневных дискурсах

В связи с ориентацией повседневного дискурса на «примат локальной организации», «на процесс» [6. С. 175] условия общения в ряду категорий дискурсообразования занимают по отношению к данному типу дискурса одну из ведущих позиций.

Категорию условий общения рассмотрим в виде субкатегорий (1) пространства и (2) времени протекания дискурса, а также (3) психологических условий общения. Указанные субкатегории в комплексе демонстрируют совокупность «внешних» по отношению к участникам дискурса условий, которые обеспечиваются особенностями хронотопа и психологической атмосферы, сопровождающей общение и оказывающей влияние на процессы текстопорождения.

(1) Отсутствие локативной маркированности – один из признаков данного дискурса. При этом пространство повседневного дискурса может быть определено как универсальное в том отношении, что наряду с локусами, ориентированными на условия повседневного общения (дом, парк, детская площадка и под.), в зону его распространения достаточно органично входят локусы, сформированные на институциональных основаниях (например, в ситуации «бытовые разговоры на рабочем месте»).

(2) Временной режим протекания исследуемого типа дискурса также является достаточно свободным – это время, свободное от институциональных процедур, время личной свободы и бытовой самореализации его участников, ограниченное в основном их собственным волеизъявлением.

Таким образом, каждый локально организованный повседневный дискурс протекает в собственных пространственно-временных границах – повседневный дискурс как тип дискурса не характеризуется единством хронотопа.

(3) Важной субкатегорией, характеризующей условия общения в повседневном дискурсе, оказываются психологические условия общения. Атмосфера, в которой протекает общение, складывается из ряда факторов. Во-первых, участники дискурса осознают свободу от институционально-ролевых принципов общения, в результате процесс текстопорождения контролируется не на основании институциональных правил и норм, а на основании в первую очередь этических социальных установок. Во-вторых, в каждой конкретной коммуникативной ситуации повседневности значительное место занимает учет участниками возрастных, гендерных, неофициально-статусных (сосед; лидер в данной микрогруппе; специалист в своем деле и под.) характеристик собеседника, а также степень знакомства коммуникантов. Тип собеседника в условиях отсутствия институциональных ролевых рамок актуализирует для участника повседневного дискурса общения определенный психологический настрой, связанный с презумпциями уважительности, снисходительности, поучительности и под., который в условиях институционального общения поглощается презумпцией официально-статусной ролевой структуры.

6. Ролевая структура повседневных дискурсов

По мнению исследователей, повседневный дискурс характеризует «относительно свободная мена коммуникативных ролей» [6. С. 175]. Если в рамках институциональных дискурсов типы позиций участников общения формируются в пресуппозиции и статусное общение предлагает его участникам фиксированную схему коммуникативных ролей [6. С. 175], то в повседневном общении ролевая структура дискурса формируется на уровне каждой конкретной ситуации общения.

Кроме того, если институциональная ролевая структура формируется вокруг требований социального института, то ролевая структура повседневных дискурсов может формироваться вокруг различных прагматически ориентированных параметров, значимых для протекания конкретного дискурса. Так, в дискурсах, стратегически ориентированных на сбор информации, проявляются роли вопрошающего и отвечающего (информирующего, обладающего знанием), в дискурсах, направленных на оценку действительности (например, современной системы образования), – роли «судей» и «защитников», в бытовых обучающих дискурсах – роли «специалистов» и «учеников» и под.

В организации ролевой структуры повседневных дискурсов активное участие принимает фактор, связанный с индивидуально-личностными свойствами субъектов общения (например, значимым оказывается наличие лидерских качеств у участника дискурса).

В связи с тем, что контролирующая функция в повседневном дискурсе, определяемом как личностно-ориентированный [3], выполняется в первую очередь самими участниками дискурса (в институциональных – социальный контроль), индивидуально-личностные свойства субъекта общения приобретают особую значимость: «...участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств в отличие от участников институционального

дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека» [3. С. 203].

Данный фактор оказывает значительное влияние на такие базовые категории дискурсообразования, как цель дискурса (цель, которую ставит участник при инициировании дискурса) и тематическая структура дискурса (тематическая компетенция участника дискурса).

Таким образом, главным признаком ролевой структуры повседневных дискурсов является свободная мена коммуникативных ролей, их ориентация на прагматику общения, на индивидуально-личностные свойства участников общения.

7. Дискурсивные стратегии повседневности

Локальный характер целей повседневного дискурса определяет множественность стратегических решений их реализации.

Понятие «стратегии повседневности», применяемое к типичной авторской интенции в повседневном дискурсе, в наибольшей степени соответствует характеристике содержания обыденного человеческого опыта общения. По мнению И.В. Силантьева, «применительно к повседневному дискурсу можно говорить о коммуникативной стратегии обыденного единения людей посредством разнообразных форм прямого обмена текущей информацией, фатических коммуникативных актов и др.» [8. С. 20], и в этом заключается стратегическое единство повседневности, в рамках которого можно выделить – как более частные – стратегии информирования, оценивания, принуждения и др.

Коммуникативные стратегии повседневного дискурса относятся к соответствующим интенциям институциональных дискурсов так же, как первичные речевые жанры в трактовке М.М. Бахтина к жанрам вторичным. Институциональные дискурсы в данном случае выступают по отношению к повседневным в качестве среды, преломляющей первичные стратегические интенции в соответствии с институциональными правилами (ср.: «частное знание – это и полигон естественной реализации коммуникативных стратегий и тактик, присутствующих уже в первичных речевых жанрах и транслируемых в другие дискурсы» [7. С. 75]).

При этом в связи с высоким уровнем интенсивности информационного взаимодействия в современном обществе каналы распространения стратегических трансформаций институциональных дискурсов, безусловно, имеют и обратный вектор, направленный в область повседневности, семиотический код институциональных дискурсов «возвращается» в повседневный дискурс, привнося особые смыслы [6. С. 57]. Участники общения, включенные одновременно в институциональные и повседневные дискурсивные практики, не стремятся к их четкой дифференциации в быту, более того, используют некоторые элементы институционального общения в повседневности для решения локальных коммуникативных задач.

Таким образом, коммуникативные стратегии повседневности, с одной стороны, обладают свойством первичности по отношению к соответствующим институционально заданным стратегиям, а с другой – подвергаются определенной трансформации под влиянием институциональных видов деятельности.

8. Жанровая структура повседневных дискурсов

Коммуникативная стратегия «обыденного единения людей» [8. С. 20] в повседневном дискурсе, конкретизируясь в типичных авторских интенциях информирования, оценивания, принуждения и др., реализуется в системе речевых жанров повседневности, «соответственно, мы можем говорить о таких жанрах повседневного дискурса, как вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, поздравление, сожаление и соболезнование и т. д. Сами названия таких жанров суть не что иное, как базовые интенции, сопровождающие высказывания в рамках данных жанровых групп» [8. С. 17–18]. Эти жанры, согласно классификации М.М. Бахтина, определяются как первичные речевые жанры.

Утверждение о том, что жанровую структуру повседневного общения составляют первичные речевые жанры (и – соответственно – жанры институциональных дискурсов формируются на основании их прообразов), прослеживается в целом ряде работ [7, 8; 12 и др.]. При этом данное утверждение относится только к жанровой структуре устных повседневных дискурсов. Письменные дискурсы повседневности (естественная письменная речь) реализуются в жанровой системе, в основе формирования которой, кроме базовой интенции («функционально-целевой параметр» [13. С. 61]), лежит такой доминантный признак, как «характер субстрата» [13. С. 61], определяющий вторичный характер текстовой типологии данных дискурсов (ср.: жанры «студенческое граффити», «маргинальные страницы тетрадей», «частная записка», рассмотренные в работе [13]).

В связи с вышесказанным представляется необходимым еще раз вернуться к мысли о том, что канал передачи информации при анализе материалов повседневного дискурса становится значимой дискурсообразующей категорией, в отличие от институционального общения, где категория «устный/письменный канал передачи информации» включается в структуру категории дискурсивно обусловленного жанра. Так, например, в политическом дискурсе реализуются жанр устного публичного выступления политика, жанр инаугурационного обращения (устные жанры) и жанр политического плаката, жанр листовки (письменные жанры), в образовательном дискурсе – жанр лекции, доклада (устные) и жанр сочинения, упражнения (письменные).

Именно максимальный уровень спонтанности, конкретность адресации и синхронность пространственно-временного взаимодействия участников повседневных дискурсов – как качества устного повседневного общения – определяют дискурсивную жанровую структуру, основу которой составляют первичные речевые жанры.

9. Стилистическое оформление повседневных дискурсов

Формирование текста в повседневных дискурсах отличается максимальной свободой выбора языковых средств, их характеризует «минимум речевых ограничений» [6. С. 175].

При рассмотрении вопроса о функционально-стилистическом оформлении повседневных дискурсов следует отметить, что речевая среда повседневности – как совокупности повседневных дискурсов – оформляется речевыми средствами различных форм национального языка: обиходно-разговорный стиль литературного языка, диалектная речь, городское просторечие, соци-

альные и профессиональные жаргоны. М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский, определяя экстралингвистические признаки обиходно-разговорного стиля литературного языка, обозначают следующие условия его формирования: «неофициальность и непринужденность общения; непосредственное участие говорящих в разговоре; неподготовленность речи, ее автоматизм; преобладающая устная форма общения, и при этом обычно диалогическая (хотя возможен и устный монолог). Наиболее обычная область такого общения – бытовая, обиходная» [14. С. 433]. Указанные экстралингвистические условия формирования данного стиля определяют следующие его черты: «непринужденный и даже фамильярный характер речи (и отдельных языковых единиц), глубокая эллиптичность, конкретизированный (а не понятийный) характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и аффективность» [14. С. 433].

Подобная характеристика, акцентирующая внимание на условиях формирования функционального стиля, может быть, безусловно, отнесена к текстам повседневного общения носителей не только литературного языка, но и других его форм. Таким образом, с точки зрения условий функционально-стилистического оформления текстов повседневное общение в социолингвистическом аспекте не дифференцируется. В результате представленное М.Н. Кожиной, Л.Р. Дускаевой, В.А. Салимовским описание стилистических признаков текстов обиходно-разговорного стиля литературного языка можно применить к самым различным в социолингвистическом отношении дискурсам повседневности (участниками которых могут быть носители не только литературного языка, но и городского просторечия и диалекта).

Л.П. Крысин в своих работах неоднократно отмечает, что в настоящее время «члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами – языками, диалектами, стилями, – пользуются то одной, то другой подсистемой в зависимости от социальных функций общения» [15. С. 468]. Так, например, лица, владеющие «диалектом и (в результате образования) литературным языком, редко используют эти формы в одних и тех же ситуациях» [15. С. 470]. Следовательно, специфические языковые разноуровневые маркеры диалекта и городского просторечия как форм национального языка приобретают статус стилистических ресурсов.

Понимая функциональный стиль как функционально обусловленную форму речевого поведения, организованную по принципу речевой системности (по М.Н. Кожиной), отметим, что, при некотором качественном отличии стилистических ресурсов обиходно-разговорного стиля литературного языка от соответствующих языковых форм диалекта и городского просторечия закономерности функционирования указанных языковых средств в целом совпадают. Более того, в современном обществе, где всеобщее среднее образование является обязательным для всех его членов, владение литературным языком перестало быть свойством ограниченной (хотя и значительной по объему) части социума, и практически все нелитературные формы национального языка подвергаются «нивелирующему воздействию литературного языка» [16. С. 103]. Таким образом, происходит активное сближение стилистических форм повседневности как в плане их речевой системности, так и в плане стилистических ресурсов. Все это позволяет говорить о функциональ-

но-стилистической общности текстов самых разнообразных повседневных дискурсов.

Подобный подход, актуализирующий функциональное сходство речевого оформления различных сфер бытового общения, можно обнаружить в исследованиях, связанных с анализом специфики разговорной речи, понимаемой как речь разговорного общения носителей национального языка (в том числе речь диалектная и просторечная, речь отдельных социальных групп общества и т.д.). Так, Б.И. Осипов, Г.А. Боброва, Н.А. Имададзе, Г.А. Кривоzubова, М.П. Одинцова, А.А. Юнаковская понимают под разговорной речью «обширный стилистический пласт языкового материала, включающий часть литературной и все нелитературные разновидности национального языка. Другими словами, концептуально разговорная речь – понятие стилистическое, а онтологически включает в себя все, что бытует в непосредственном общении: разговорный стиль литературной речи, городское просторечие, сельское просторечие (которое в русском языке, на наш взгляд, еще только формируется), диалекты, социальные и профессиональные жаргоны» [17. С. 13].

Таким образом, характеризуя стилистическое оформление повседневных дискурсов, мы исходим из того, что дискурсы повседневного общения носителей различных форм национального языка в современном обществе демонстрируют значительное сходство в стилистическом оформлении текстовой компоненты; функционально обусловленную форму речевого поведения повседневности можно обозначить как стиль повседневного общения, противопоставленный стилям общения институционального, в функциональной стилистике рассматриваемым как книжные стили литературного языка.

С позиций дискурс-анализа функциональный стиль является носителем «специфицированного языкового образа знания» [7. С. 73] – в данном случае бытового знания. По мнению О.Г. Ревзиной, это «наглядно видно при сравнении научного и повседневного дискурса: одни и те же реалии (например, относящиеся к болезням, погоде, торговле) именуется в этих дискурсах совершенно по-разному, тем самым и указывая участникам дискурсивного существования способ речевого поведения в избираемых ими коммуникативных ситуациях» [7. С. 73]. В целом функционально-стилистическое оформление повседневных дискурсов может быть обозначено как стиль повседневного общения. Данная форма речевого поведения является для носителей языка своеобразной сигнальной средой, предписывающей определенную форму дискурсивного поведения, свободную от институциональных рамок.

10. Интертекстуальное взаимодействие в повседневных дискурсах

Данная категория была выделена О.Г. Ревзиной в рамках анализа особенностей функционирования дискурсных формаций в свете теории М. Фуко [7]. В качестве значимого аспекта дифференциации дискурсов О.Г. Ревзина отмечает «степень проявления способности быть интертекстуальным донором либо восприимчиком интертекстуального вложения» [7. С. 66]. Подобным образом предлагает характеризовать типы дискурсов В.И. Карасик, но если О.Г. Ревзина сосредоточивает внимание на потенциальных возможностях дискурсов, то В.И. Карасик обращает внимание на корпус специфических прецедентных текстов дискурса [3], каждый из которых представляет собой в трактовке О.Г. Ревзиной [7] интертекстуальный знак.

Интертекстуальные знаки (интертекстуальные вложения) охватывают, по О.Г. Ревзиной, три области значения (коннотативного): (1) «индивидуальный опыт существования человека (индивидуальные, или личностные интертексты)» [7. С. 17] (индивидуальный «цитатный фонд» памяти, по Б.М. Гаспарову [18. С. 106]), (2) «известные интертексты» [7. С. 17] и (3) языковые интертексты, связанные с функциональными стилями. Последние «характеризуются совместным появлением совокупности языковых характеристик, которые составляют языковой облик функциональных стилей как разновидностей дискурса» [7].

Текстовая компонента повседневных дискурсов обладает свойством активного использования интертекстуальных знаков – как инодискурсивных, так и рожденных внутри данного дискурса.

Локальность целей повседневного дискурса, некодифицированный характер моделей общения, а также самооценность общения как такового порождают особую потребность в ретрансляции речевых действий в рамках данного дискурса: «знание, связанное с «Я» как частным лицом, рассчитано на интертекстуальное распространение (через цитирование, пересказ, представление в форме слухов, сплетен и пр.) прежде всего внутри того же повседневного дискурса» [7. С. 68]. Внутри дискурсов повседневности проявляют активность все виды интертекстуальных знаков.

Тексты, рожденные в дискурсах повседневности, характеризующиеся «минимумом речевых ограничений» [6. С. 175], легко допускают вторжение инодискурсивных формул и прецедентных текстов. Данное свойство отличает их от дискурсов институциональных, содержание и текстовая структура которых четко определены социальными установками. Таким образом, одна из причин интердискурсивной активности повседневных дискурсов – отсутствие институциональных рамок в их текстовой организации.

Другие причины связаны, во-первых, с тематической неограниченностью повседневного общения и потребностью в использовании инодискурсивных речевых моделей при обращении к тематике, в них закреплённой (в том числе – при обращении к тематике, порождаемой социальными, профессиональными дискурсивными практиками). Кроме того, интердискурсивная активность повседневности определяется свойствами участников повседневных дискурсов, где «принцип прореживания говорящих субъектов» (М. Фуко) нейтрализуется и участники дискурса получают возможность использовать свой опыт участия в различных дискурсивных практиках, реализуя его в том числе и при порождении текста.

Таким образом, повседневные дискурсы обладают высоким уровнем интертекстуальной активности, что в первую очередь объясняется свободой от институциональных рамок, обеспечивающей открытость границ проникновения инотекстовых и инодискурсивных вложений.

Подведем итоги.

1. Повседневный дискурс, как особый тип деятельности, прежде всего, противопоставляется дискурсам институциональным. В рамках заявленных категорий дискурсообразования его характеризуют неинституциональные принципы объединения участников, локальность целей, ценности внеинституционального единения и осознания своей личностной позиции в мини-

группе, открытость тематической структуры, универсальность хронотопа, наличие свободных от институциональных рамок общения психологических установок участников дискурса, первичность коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, функционально-стилистическое оформление речевой компоненты в форме стиля повседневного общения, а также особая интертекстуальная активность.

2. Специфика повседневного дискурса заключается в высоком уровне его вариативности, обеспечивающей неомогенность его структуры, представленной конкретно-ситуативным многообразием отдельных повседневных дискурсов.

Литература

1. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of PA Press, 1972. P. 354–396.
2. Sacks H. Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. № 50. P. 696–735.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Каишкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. 175 с.
5. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопросы языкознания*. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. 2005. Вып. 8. С. 66–78.
8. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
9. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978. С. 259–336.
10. Halliday M. Current Ideas in Systemic Practice and Theory. London: Pinter, 1991. 173 p.
11. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманит. центр, 2004. 352 с.
12. Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи*. Саратов, 1997. С. 51–56.
13. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
14. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 463 с.
15. Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. М., 2004. С. 468–474.
16. Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // *Русистика*. Берлин, 1992. № 2. С. 96–10.
17. Осипов Б.И., Боброва Г.А., Имедадзе Н.А., Кривоzubова Г.А., Одинцова М.П., Юнаковская А.А. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты. Омск: Ом. гос. ун-т, 1994. 144 с.
18. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.